

GRAND HOTEL QUISISANA, CAPRI

26 гет. 1914.
11 мая

COMM. P. SERENA PROPRIETARIO

Австрия и Япония и Япония, ох вы
Душа моя Вам добра пишу, ду-
шевн обнимаю Вас и утешаю, пишу
В. Р. Слово "Восток" и востоку Бла-
гову (и дождя восток и сего дня -
Комму), у нас Вам великая рек-
лама - и буду терпеть счастье, сего
дня утешаю. Каймаже и сами
Вну - и, подальше, не смущайтесь,
сего охоту буду не верить: "Р. С."
у нас Боже даждя утешаю,

Боже смущайтесь и, Боже обниме
материала, Восток Каймаже восток
обниме, как восток, - но, повестно,
не смущайтесь, Каймаже, - буду
негаждя. Да это не смущайтесь, ду-
шевн, смеждя и в. Каймаже -
Восток смущаю как не смущайтесь
Восток, ох смущайтесь о другом смущайтесь.
Смущайтесь, что смущайтесь о смущайтесь
смущайтесь - смущайтесь, а до и о смущайтесь
мало смущайтесь, смущайтесь и до смущайтесь
смущайтесь смущайтесь. Смущайтесь о смущайтесь:
Восток - смущайтесь и смущайтесь о
Восток - смущайтесь?

Буду смущайтесь Восток, смущайтесь
смущайтесь. Смущайтесь Восток смущайтесь и
Каймаже смущайтесь. Смущайтесь на смущайтесь смущайтесь
не, в смущайтесь. Восток В. Бунин

имя в «Русском слове». Не ждите каждый раз их приглашения — пишите прямо небольшие фельетоны об Одессе — ведь Вы у истоков многих важных вестей — и будут печатать».

Находясь в Москве в 1914 году (точнее ориентира нет), Ценовский в своем дневнике пишет: «Бывают чудеса, но это было что-то странное и загадочное, было рано идти к нему (Бунину), и я пошел в Кремль и в соборы Архангельский, Благовещенский, где служат все-ношную, и там, у могилы Ивана Грозного встретил Бунина. «Церковь это так хорошо, так божественно, так необыкновенно, лучше в мире этого нет. Этой крепости мира, ликов святых, лампад, этой отрады, которая приходит от этих икон, гробниц, звуков, от всего. Как бросали отблики свечи, громадные восковые свечи на иконостасах на золото, на темные лики, какие своды, какой полумрак куполов. А Бунин сказал, что старые соборы Москвы — и все что в них, могут сделать человека черносотенцем...»

«...В субботу вечером, пообедавши с Буниным, пошел к нему. Скучно ему все-таки здесь без тепла, без солнца, без моря, без лег-

ких, как он говорит, улиц Одессы...». «Вчера у Бунина разговаривал, пил чай и ел мед с кусочками воска. Ничего, вкусно. Легенды, какие здесь, больше все о подкупах, о немецких деньгах». (Из дневника А. А. Ценовского).

А четыре года спустя, дочка Ценовского, Мария в дневнике своем пишет: «Сегодня была я гостях у Буниных, шли под руку с Нилусом. Иван Алексеевич спросил: «Скажите откровенно какие мы старики?» — Я замаялся: «Нет, мне с Вами интересно». — «Ну, вот вы и выдали себя с головой, — засмеялся Бунин, — больше и говорить ничего не надо». — «Но это так трудно сказать, — возразила я — и потом, это не сколько зависит от возраста, сколько от того, как человек чувствует». — «А вы вот что», — посоветовал Нилус — Придите домой и запишите все в книжку, как и что им про нас думаете, а потом нам прочтите». Иван Алексеевич подошел, взял меня за руку повыше локтя и сказал: «Вот бы кто мог покорить» — это я! Талант, слава — Нет, это действует верно!»

В конце своей книги Вера Николаевна пишет: «Провожать нас собралось довольно мною народу, я когда на вокзале ударил вто-